

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-188-206

УДК 94(54).02

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГЕОГРАФИИ: «ИНДИЙСКАЯ ДИАСПОРА» В ЕЕ ИСТОРИИ¹

Сенгупта Анита,

старший научный сотрудник

Индийского Совета по исследованиям в области социальных наук,

Аруна Асаф Али Марг, Нью-Дели, 110067, Индия

ORCID: 0000-0002-1996-0453

anitasengupta@hotmail.com

Аннотация

Диаспоры приобрели особое значение в качестве хорошей основы для осознания и переосмысления географических реалий, миграций людей, этнических и соседских связей, которые в настоящее время размываются под влиянием глобализации. В настоящей статье рассматривается вопрос о том, как изучение и выявление диаспор переориентирует традиционную картографию на включение в пространственные конфигурации исторически известных торговых сетей, которые часто ускользают от внимания ученых и политиков, работающих с концепциями отдельных наций. Такие сети позволяют выявить массовые движения, которые предшествуют эпохе глобализации, и создают возможность для укрепления сотрудничества между регионами. Все эти вопросы вступают в игру, когда мы рассматриваем то, что идентифицируется как «индийская диаспора» в Центральной Азии, автоматически предлагая думать о них как о стабильных ограниченных сообществах или трансцендентных однородных группах. Это создает возможности для переосмысления пространственных и временных категорий. Предметом изучения становится не только нация и ее границы, но и такие категории, как регионы и меньшие территории. Связи с регионами на севере и западе Индии восходят к древности. С политической точки зрения многие из этих мест теперь недоступны для Индии, что выдвигает на первый план необходимость установления связей с ее ближайшими соседями в качестве предпосылки ее включения в более широкий регион.

Ключевые слова: пространственная конфигурация, диаспора, глобальные потоки, Центральная Азия, «индийская диаспора».

¹ Статья является частью продолжающегося исследовательского проекта «Исторические связи и новые коридоры: азиатские альтернативы Индии в эпоху усиления взаимосвязей», спонсируемого Индийским советом социальных научных исследований, Нью-Дели. Автор выражает благодарность ИССНИ за оказанную поддержку для проведения данного исследования.

Перевод с английского – проф. О.А. Донских.

Библиографическое описание для цитирования:

Сенгупта А. Переосмысление географии: «индийская диаспора» в ее истории // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 1. – С. 188–206. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-188-206.

Введение

В настоящей статье рассматривается вопрос о том, как изучение диаспор в их историческом контексте переориентирует традиционную картографию на включение в пространственные конфигурации исторически известных сетей, которые часто ускользают от внимания ученых и политиков, работающих с концепциями отдельных наций. При анализе таких сетей на передний план выдвигаются массовые миграции, которые предшествуют эпохе глобализации. Для понимания этих новых форм рассредоточения и новых видов связей большое значение приобретает изучение диаспор. В настоящее время серьезное внимание к диаспоре как объекту исследования обусловлено переосмыслением пространственных и временных категорий, когда не только страна и ее границы подвергаются тщательному анализу, но учитываются и связи с отдельными регионами и территориями. Как утверждает Суканья Банерджи, это переосмысление пространственных и временных параметров диаспор приобрело значение в качестве важной основы для пересмотра мест, движений, идентичностей и социальных формирований, которые упускались из виду при прежних способах анализа или, что не менее важно, имеют шанс исчезнуть благодаря усредняющему эффекту глобального капитала [2, р. 1].

Традиционно изучение диаспоры вращалось вокруг дилеммы групп, которые, обосновавшись в принимающем государстве, сохранили память о родине и вели двойственное существование в двух культурах. Дискуссии о диаспорах были по существу продолжением этнографических дискурсов, в которых значительную роль играла историческая память. Все эти исследования ориентировались на людей, длительное проживание которых в новых условиях существенно уменьшало для них возможность возвращения на родину. Благодаря этому изучение диаспоры строилось вокруг феномена ностальгии. Однако в последние годы сам термин «диаспора» претерпел трансформацию. Если первоначально он применялся к рассредоточенному сообществу, ориентированному на единую точку происхождения, то постепенно в него стали включаться такие разрозненные группы, как изгнанники, экспатрианты, беженцы, просители убежища, трудовые мигранты, гомосексуальные сообщества, домашняя прислуга, руководители транснациональных корпораций и транснациональные секс-работники [2, р. 2]. Эти разрозненные группы больше не образуют стабильных ограниченных сообществ, которые

когда-то подразумевались при использовании понятия «диаспора». В то время как Пол Гилрой, воскрешая черный Атлантический мир с его раздробленными движениями и идентичностями, расширил изучение диаспоры до творческого переосмысления последствий миграции, рассредоточения и перемещения, быстрый прогресс технологий привел к появлению большого количества цифровых диаспор. Поэтому существует множество способов построения траекторий и идентичностей, которые ставят под сомнение такой термин, как «индийская диаспора», если рассматривать ее как стабильное ограниченное сообщество или трансцендентные однородные группы.

Индийская диаспора в Центральной Азии

Все эти вопросы встают, когда мы рассматриваем общину, которую можно было бы определить как индийскую диаспору в Центральной Азии. Первым всесторонним исследованием, посвященным этому вопросу, была работа Стивена Фредерика Дейла «Индийские купцы и Евразийская торговля 1600–1750 гг.». За ним последовали Клод Марковиц «Глобальный мир индийских купцов 1750–1947 годов» и Скотт К. Леви «Индийская диаспора в Центральной Азии». Совсем недавно был издан сборник эссе под редакцией С. Леви «Индия и Центральная Азия: торговля и культура, 1500–1800». Упоминания об индийских купцах и ростовщиках также можно найти в книгах Девендра-Каушки «Индия и Центральная Азия в наше время», Сурендры Гопала «Индийские торговцы в Узбекистане в XVIII веке» и Г.Л. Димитриева «Из истории индийской колонии в Центральной Азии». Конечно, эти торговцы упоминались в туристических отчетах и в популярной литературе.

Пристальное внимание к общим терминам, используемым здесь, указывает на то, что традиционные группы и сети, которые можно было бы отнести к индийской диаспоре в этом регионе, не были «индийскими» в современном смысле. Они определялись общими терминами «мултанцев», «хатрийцев», «марварийцев» или, позднее, «шикарпурцев», но представляли собой конгломерат различных групп и подгрупп, включая лохани, бора, парача, ходжа, бхати [14]. Кроме того, передвижения этих групп выходили за пределы границ пяти постсоветских центральноазиатских государств, создавая возможности для новых перекраиваний, которые находят почву в сетях, расположенных по всему региону.

В последнее время различные инициативы «Нового Шелкового пути» предоставляют серьезные возможности для изучения этих многоаспектных представлений о регионе. В метафорических рамках Нового Шелкового пути представлен ряд стратегий, большинство из которых основывается на перспективах сухопутного сообщения между Китаем, Индией,

Ближним Востоком, Европой и Россией, что привело к получению значительных доходов центральноазиатскими государствами и устойчивому развитию Афганистана. В этом контексте интересен взгляд американской администрации на Центральную и Южную Азию как на единый взаимосвязанный регион, удерживаемый вместе Афганистаном. Эта перспектива была отражена в речи тогдашнего Госсекретаря США Хиллари Клинтон, когда она заявляла: «Веками народы Южной и Центральной Азии были связаны друг с другом и с остальной частью континента разветвленной торговой сетью под названием Шелковый путь. Оживленные рынки Афганистана находились в самом центре этой сети. Афганские купцы торговали своими товарами от дворцов фараонов до Великой Китайской стены. Поскольку мы смотрим в будущее этого региона, давайте воссоздадим этот прецедент в качестве вдохновляющего долгосрочного видения Афганистана и его соседей. Давайте сосредоточимся на Новом Шелковом пути – паутине экономических и транзитных связей, которая свяжет во едином регионе, слишком долго раздираемый конфликтами и разобщенностью» (цит. по [5, р. 385]).

Центральноазиатский регион – это наиболее широкая область, в пределах которой можно обнаружить расселение торговой диаспоры, слабо идентифицируемой как «индийская».

Существует множество свидетельств того, что купцы из разных регионов Индии выходили далеко за традиционные сухопутные границы южноазиатского субконтинента, отмеченные рекой Инд на западе и Бирмой на северо-востоке (см., например, [11]). Действительно, значительная часть Юго-Восточной Азии, Центральной и Западной Азии представляла собой регион индийского экономического и культурного влияния, которому способствовали сухопутные и океанические торговые пути, широко использовавшиеся в течение многих столетий. Самые ранние записи об индийцах в этих периферийных регионах в значительной степени ограничены политическими и религиозными свидетельствами основания государств в Юго-Восточной Азии под сильным влиянием индийской культуры и расселения буддийских миссионеров и ученых в Юго-Восточной Азии, Афганистане и Центральной Азии. Однако присутствие брахманов-священников и буддийских монахов в Юго-Восточной Азии, а также буддийских монахов в Афганистане и Центральной Азии почти наверняка совмещалось с индийской торговлей с этими регионами. Действительно, нет никаких оснований считать индуистских и буддийских священников, миссионеров и торговцев изолированными группами людей. В то же время невозможно точно установить, когда движение индийских купцов и религиозных деятелей впервые привело к созданию значительных индийских торговых диаспор в соседних регионах [4, р. 2].

Индийцы образовали многочисленные торговые диаспоры в Западной, Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии в период европейского колониального господства. Причем Китай и Индия представляют собой интересные и контрастные экономические и культурные центры, которые породили торговые диаспоры из числа своего коренного населения. Как утверждает Стивен Дейл, наиболее очевидными факторами, определяющими распространение индийских торговых диаспор, были огромный запас плодородных сельскохозяйственных земель, ранний рост крупных городских центров и соответствующее общественное разделение труда, а также производство ценных сельскохозяйственных и промышленных продуктов для снабжения большого и разнообразного населения. Кроме того, как и в случае с Китаем, регионы, прилегающие к морским и сухопутным границам Индии, оставались менее экономически развитыми и социально дифференцированными на протяжении большей части истории Индии. Эти территории включают Юго-Восточную Азию, Центральную Азию, в том числе западный регион, известный как Мавераннахр (или Трансоксиана), восточную зону, включая монгольскую степь и регион, ранее обозначаемый как Китайский Туркестан (теперь это Синьцзянский регион Китая), и, наконец, территории Западной Азии, в частности Афганистан и Иран [4, р. 2]. Эти диаспоры составляли жители северных и северо-западных регионов Индии, в основном представители большой индуистской кастовой группы, известной как хатри, которые торговали в Афганистане, Мавераннахре, Иране и России. Хатри, которые были уроженцами Пенджаба и прилегающих районов северо-западной Индии, оказывали экономическое влияние в Афганистане, Центральной Азии и Иране и даже доходили до Москвы.

О фактической организации отдельных индийских торговых диаспор почти ничего не известно до XI в. Позже появляется существенная информация об индийских торговых диаспорах, членами которых были выходцы из различных индийских регионов, поселившихся в двух соседних областях: Юго-Восточной Азии и территориях к северу и северо-западу от Индии, включая Афганистан, Центральную Азию, Иран и даже Россию [12].

Огромный производственный потенциал Индии сделал ее доминирующей экономической силой как на северо-западе, так и на юго-востоке. Главными источниками экономического доминирования Индии в Северо-Западном регионе, как и в Юго-Восточной Азии, изначально были ценные товары (прежде всего текстиль), значительные капитальные ресурсы и продвинутые финансово-коммерческие навыки. Похоже, что индийские купцы из Южной Индии почти наверняка торговали на юго-востоке, а индийцы из Пенджаба и северо-западных районов Южной

Азии издавна торговали с Афганистаном, Центральной Азией и Ираном [4, р. 6].

Дейл утверждает, что в течение относительно стабильной эпохи правления Великих Моголов в Индии (1526–1739/1857) и Сефевидов в Иране (1501–1722) индийские банкиры и купцы путешествовали и почти постоянно жили в Мавераннахре, Афганистане и Иране. Из Ирана они позже перебрались на русскую территорию (в Астрахань) и поднялись вверх по Волге до Москвы, где поселились в Китай-городе (там жило большинство иностранных купцов) [4, р. 7]. Пенджабские хатри, пуштуны, а также афганцы и марварийцы из Раджастанхана были основными торговыми группами, происходившими из могольских территорий Южной Азии, которые торговали в этих регионах. Индийские купцы на западе могли добраться до Афганистана и Центральной Азии верблюжьими караванами с конца весны до начала осени через перевалы Хайбер и Болан и отправиться дальше в Иран. Афганские кочевые или полукочевые кланы, владевшие верблюдами и регулярно перемещавшиеся между Южной Азией и Афганистаном и Центральной Азией, обеспечивали это «сухопутное судоходство», по крайней мере, на протяжении части пути через опасные северо-западные перевалы и афганские территории. Кроме того, купцы могли добраться до Ирана или Персидского залива на кораблях прямо из Гуджарата или плыть вниз по Инду к морю. Интересным с точки зрения современных индийских инициатив по созданию коридора Север–Юг через иранский портовый город Бендер-Аббас является написанный в 1662 г. комментарий английского купца, который отметил, что купцы, занимающиеся торговлей от Сурата в Гуджарате до Гомбруна (ныне Бендер-Аббас) в Персидском заливе, были в основном индийцами [4, р. 214].

Хатри можно было встретить по всему Афганистану и даже на Западе, вплоть до русской Астрахани, где они действовали в качестве «банкиров, купцов, золотых дел мастеров и продавцов зерна» [4, р. 8]. Те немногие мусульмане-мултани, чьи имена упоминаются, вероятно, были афганцами, которые торговали сами, а также предоставляли верблюдов для караванов другим купцам. Кроме того, в XVIII в. в Иране, Афганистане и в южной России торговали также многие другие индуистские и джайнские купцы, а также некоторые индийские мусульмане. Индийцы и джайны, включая индуистских агарвалов и джайнских освалов, обычно географически идентифицировались как марварисы, первоначально уроженцы Марварского региона Раджастанхана. В то время купеческая диаспора мултани в Афганистане, Центральной Азии, Иране и России была рассеяна на обширной территории, но большинство из них жили и работали в Исфахане, столице Ирана в XVII в. Различные наблюдатели подсчитали, что 10 000 индийских купцов жили в Иране, не покидая его. Конечно,

10 000 может быть метафорой для обозначения большого и неисчислимого числа, но, по крайней мере, это предполагает, что значительное количество хатри и других индийцев жили и работали в Иране (и особенно в Исфахане) в эпоху Сефевидов.

Многие из этих людей, возможно, происходили из индийских семей, давно обосновавшихся в Афганистане, где индийские торговые касты (купцы и ростовщики) продолжали жить в городах и деревнях, поставляя финансовые средства и коммерческие товары, вплоть до конца XX в. Часто индийцы были там единственными торговцами [4, р. 8, 9].

В период Великих Моголов некоторые индийцы перешли от экспорта хлопчатобумажной ткани индийского производства к производству тканей на местах (в Самарканде и других местах). Россия предоставляла индийским купцам примерно такие же возможности, как Иран и Центральная Азия. Индийские купцы основали в Астрахани процветающее торговое поселение, многие члены которого торговали иранскими товарами даже больше, чем индийскими. Один индийский купец по имени Сутур сообщил в прошении 1648 года, что он жил в Астрахани и платил там таможенные пошлины в течение 25 лет.

Многие из этих диаспор продолжали процветать даже в эпоху европейского колониализма. Например, с середины XVIII в. многие торговцы-мултани переместили центр своей деятельности дальше на юг, вдоль Инда в Шикарпур и создали новые поселения диаспоры, известной под названием «шикарпурцы», сначала в городах, где ранее обосновались мултани, а затем, к середине XX в., по всей Евразии. Конечно, при отсутствии каких-либо зафиксированных свидетельств существование «индийских» общин на территории, которая сегодня определяется как Центральная Азия, дискуссионно, но перемещения этих людей в южные и центральноазиатские регионы является историческим фактом. Одним из объяснений этого является соображение, что индийцы могли образовать торговую диаспору, которая никогда не оседала постоянно (тем самым избежав занесения в переписи) и в конечном итоге слилась с местными общинами (более подробно см. [22]).

Пути и дороги

В географическом и культурном отношении регион, который считался в Индии «Центральной Азией», представлял собой гораздо большую территорию, чем сейчас. Это видно на карте, сопровождающей один из первых томов труда «Индия и Центральная Азия», опубликованного в 1955 году [1]. (Более современное издание [20] включает раздел исторических и культурных связей. См. также [23]). Пробод Чандра Багчи в серии лекций, прочитанных Индийскому конгрессу историков, определяет этот

регион как простирающийся через Китай на запад до Аральского моря и включающий в себя Балх, Бухару и Самарканд. Это регион, из которого племена вторгались в Индию, по которому шел Шелковый путь и процветала торговля, а также это регион, где распространялись индийская культура и религия.

Багчи отмечает, что первой страной Центральной Азии на пороге Индийского культурного мира был Тохаристан, земля тохаров. Тохаристан был активным посредником между Индией и Ираном и Тураном. В мусульманский период «Тохаристан» стал обозначать территорию между Бадахшаном и Балхом, а в более ранний период он охватывал все провинции по обоим берегам Амударьи до перевалов Гиндукуша. Связи Индии с этим регионом были закреплены благодаря буддизму. Буддизм был преобладающей религией в различных государствах Тохаристана со II в. до н. э. до начала VIII в. н. э., когда он был завоеван арабами.

Связи укреплялись в том числе благодаря письменности. Южные государства Таримского бассейна были разделены на три группы в соответствии с зонами культурных интересов: Кашгар и соседние государства; Хотан и соседние государства; Лобнор. Два памирских государства к востоку от Шугнана, Сариколь и Гиссар, в культурном отношении были частью Кашгара. Поскольку письменность в Кашгаре, как представляется, была индийского происхождения, основанная на брахми, Багчи отмечает, что такая же письменность должна была использоваться и в двух других государствах. Точно так же письмо кхароштки было распространено в некоторых частях Хотана вплоть до III в. н. э., и это, вероятно, была письменность, известная в Кашгаре в ранний период. Брахми был введен в IV–V вв., когда кхароштки вышел из употребления. Таким образом, контакты Индии с Центральной Азией восходят к глубокой древности, и там традиционно пересекались купцы, ученые и религиозные проповедники.

Индийские ученые часто ездили в Кашгар. Багчи пишет, что Кумараджива, родившийся в Куче, отправился в Кашмир для получения образования в последнее десятилетие IV в. На обратном пути из Кашмира он приехал в Кашгар и пробыл там почти год. Его записи показывают, что Кашгар также был центром изучения брахманизма. Багчи указывает на этот и другие подобные примеры, чтобы проиллюстрировать непрерывное сообщение между Индией, центральноазиатскими царствами и Китаем, которое потребовало составления не только двуязычных словарей, но и разговорников. Он приводит образец такого двуязычного разговорника на санскрите и хотанском языке, чтобы показать, как удовлетворялась потребность в общении. Приведенные здесь избранные строки – часть беседы между индийским монахом-бхикшу и человеком из Западного Китая, они являются

интересной иллюстрацией того, как происходило это постоянное движение людей.

- Откуда вы пришли?
- Я приехал из Хотана.
- Когда вы приехали из Индии?
- Два года назад.
- А теперь куда ты идешь?
- Я отправляюсь в Китай [1, р. 112].

Багчи показывает на этом примере, что регион, отделенный Гималаями, на самом деле никогда не был так изолирован от Индии, как это обычно считают. Жители Северной Индии, и особенно Пенджаба, знали об этом регионе и были в контакте с кочевниками почти во все времена. Он утверждает, что жители Пенджаба, в отличие от нас, не считали кочевников иностранцами «просто потому, что отличие между ними, как физическое, так и культурное, не было настолько велико, чтобы осознавать резкую разницу между ними» [1, р. 116]. Багчи утверждает, что миграция центральноазиатских кочевников в Индию является важным следствием индоиранского завоевания, которое принесло ведическую цивилизацию в эту страну. Таким образом, их вклад в развитие индийской цивилизации увеличил ее сложность, введя новые черты, которые в чем-то были аналогичны, но отличались по форме. Это явление повторялось почти в каждом веке. Учитывая это обстоятельство, необходимо изучать не только политическую историю, но и историю искусства, общества и религии всего региона. Завершая раздел «Кочевые движения в Центральной Азии», Багчи отмечает: «Культурный обмен между различными народами вдоль Шелкового пути на протяжении почти тысячелетия оставляет в тени чисто коммерческий интерес» [1, р. 18].

Тем не менее среди путешествующих безусловно преобладали купцы. Передвижению способствовало большое количество пунктов въезда. Мохан Лал упоминает 40 маршрутов между этими двумя регионами в середине XIX в. К началу XVIII в. существовало 4 основных пункта выезда. По словам Сурендры Гопала, активность индийских торговцев в Афганистане и Иране и их концентрация в Астрахани позволили им распространить свою торговую деятельность и на узбекские города [8]. Хотя присутствие индийских торговцев и торговых общин отмечается в ряде работ, рассказы Мохана Лала о его путешествии в Туркестан, Балх, Бухару и Герат в середине XIX в. остаются наиболее достоверным свидетельством того, как этот регион воспринимался в то время, когда только началась «Большая игра»².

² «Большая игра» (или «Война теней») – политическая борьба между Российской и Британской империями за влияние в Южной и Центральной Азии в XIX – начале XX в. – *Прим. переводчика.*

Прадед Мохана Лала Раджа Мани Рам из Кашмира занимал высокий пост при дворе Моголов в Дели. Его отец поступил на британскую службу, а сам Мохан Лал поступил в первый класс английского языка, созданный в Персидском колледже в Дели. Он хорошо знал персидский язык и урду, и его пригласили присоединиться к экспедиции лейтенанта Александра Бернса в Туркестан в качестве «персидского мунши³». Путешествие Мохана Лала описано в дневнике, который он вел во время экспедиции. Целью дневника было предоставление военной, стратегической, коммерческой и географической информации высшим офицерам Компании, и поэтому Мохан Лал определенно играл свою роль в «Большой игре». В то же время это также летопись Туркестана и его связей с Южной Азией глазами индийского путешественника. Наиболее важным для нас аспектом является его рассказ о постоянном присутствии индуистских торговых общин на этом пути. Так, например, в Кабуле, как он пишет, их насчитывается около 2000, а магазины разбросаны по разным улицам и базарам. Далее, в Хулуме, он отмечает присутствие Чимана Даса, индийца, а в Пешаваре – Атмы Рама, премьер-министра. Также он отмечает присутствие индийцев, проживающих в *сарайе* (от перс. «дворец») на Балхе. В Бухаре он рассказывает о своей встрече с «толпой индийцев», которые приходили узнать о цели его путешествия [18]. Помимо экономических отношений, именно присутствие групп торговцев и торговых общин обеспечивало связи между ними во всем регионе к северо-западу от Индии и создавало ощущение расширенного соседства. Эта связь, выкованная еще в древние времена, как говорят, процветала в Средневековье и продолжалась безостановочно, несмотря на колониальное соперничество в эпоху «Большой игры» [10].

Как уже сказано, передвижению способствовало большое количество пунктов въезда. Отправной точкой для путешествия на самую северную оконечность была долина Кашмира, откуда путь шел в Лех, Яркенд, Кашгар, а затем в Ферганскую долину. Вторым пунктом выхода был Кабул, где торговцы, главным образом из Пенджаба, широко известные как лахорцы, собирались перед тем, как отправиться в Балх, Кхулам, Карган, Кундуз и другие города на Оксе. Третьей точкой выхода был Мултан. Из Мултана купцы обычно отправлялись в Кандагар в Афганистане. Оттуда они могли направиться прямо на персидскую территорию или по маршруту Кандагар – Газни – Кабул в Бухару. Индийские купцы, использовавшие Мултан в качестве отправного пункта, были известны как «мултанцы», хотя они были родом из гораздо более обширной области, которая приблизительно охватывала западный и Нижний Пенджаб, а также Раджастхан. Другая группа индийских купцов была известна как «шикарпурцы» и получила свое название от Шикарпура, небольшого городка в Синде. Они ехали либо в

³ «Мунши» (араб.) – писец, учитель. – Прим. переводчика.

Мултан, либо прямо в Кандагар, откуда двигались либо в Персию, либо в Узбекистан [18].

Торговля процветала, особенно у таких групп, как «шикарпурцы», которые развивали сложные кредитные сети и использовали векселя, которые принимались по всему региону. Шикарпурцы были вовлечены как в финансовые, так и в торговые отношения и представляли собой пример связи, которая существовала между местными рынками капитала в Индии и рынками финансовых услуг и товаров, расположенных за пределами субконтинента. Шикарпур был центром финансовой сети, которая развивалась во второй половине XVIII в. в непосредственной связи с возвышением Дурранийской империи. Торговцы, которым приходилось путешествовать по негостеприимной местности, получали большую выгоду от того, что индийские фактории присутствовали во всех крупных торговых центрах и местах остановок. На дорогах, ведущих от границ Индии в Среднюю Азию, существовала непрерывная цепь индийских торговцев. Это поддерживало безопасность торгового пути, а также обеспечивало возможность разведки и поддержки в плане продовольствия, жилья, товаров и т. д. Детальное описание торгово-финансовой сети шикапурцев можно найти в книге Марковица [17].

Появление шикарпурцев создает то, что Марковиц определяет как терминологическую проблему, т. е. недифференцированное использование терминов «мултанцы» и «шикарпурцы» для характеристики сообщества, которое он характеризует как этнически и географически различное [17]. Это изменение отражает больше, чем просто изменение «домашней базы» этих купцов от Мултана до Шикарпура, хотя он и отмечает, что Леви прав, подчеркивая долгосрочные непрерывные связи. Шикапурцы были вовлечены в финансы и торговлю, но во второй половине XIX в., с упадком караванной торговли, они стали участвовать главным образом в финансировании сельского хозяйства. Значительные поместья, оставленные шикарпурцами в русской Средней Азии, как правило, свидетельствуют о том, что доходность бизнеса по кредитованию была довольно высокой. Помимо денежных кредитов они также занимались такими видами банковской деятельности, как обмен денег, прием депозитов и перевод денежных средств.

Шикарпур был скорее финансовым, нежели торговым центром. Действительно, путешественники свидетельствуют, что в XIX в. шикарпурцы имели в Бухаре монополию на *хунди* (векселя). Шикарпурские *хунди*, которые, как говорили, циркулировали от Нижнего Новгорода до Калькутты, выполняли роль аккредитивов или векселей, выдаваемых банкирами торговцам, что позволяло последним действовать в течение периода между заключением сделки и поставкой товара. *Хунди* циркулировали в основном внутри общины шикарпурцев, и прибыль от этой торговли регуля-

но перечислялась в Шикарпур. Шикарпурская сеть действовала на основе особой системы партнерства, известной как «шах-гумасть»⁴. Это позволяло небольшой группе людей, находившихся в Шикарпуре, контролировать и финансировать коммерческие операции на обширной территории, простиравшейся до Хорасана и Туркестана. У каждого из этих людей было несколько агентов, размещенных по разным населенным пунктам. Эта система была разработана для того, чтобы преодолеть трудности путешествий в Центральную Азию. Наличие сложной системы *хунди* позволяло избежать транспортировки больших количеств наличных денег по опасным маршрутам. Это также ограничивало необходимость частых поездок самих банкиров в этот район [16].

Связи с регионами на севере и западе Индии восходят к древности. С политической точки зрения многие из этих мест теперь недоступны для Индии, что выдвигает на первый план необходимость установления связей с ее ближайшими соседями в качестве предпосылки ее включения в более широкий регион. Именно в этом контексте должна рассматриваться инициатива «Объединение Центральной Азии», и здесь будут задействованы как традиционные континентальные торговые пути, так и морские мультимодальные маршруты. Остается также альтернатива связать индийские инициативы с уже реализуемыми (например, железная дорога Турция – Иран – Пакистан) или предлагаемыми маршрутами (ответвления экономического пояса Шелкового пути). Мультимодальная связь с Центральной Азией через иранский порт Чабахар могла бы добавить новые связи с Россией и Европой. Они включают в себя как транспортные коридоры, такие как INSTC (International North–South Transport Corridor – Международный транспортный коридор «Север – Юг»), так и проекты трубопроводов, таких как TAPI (Turkmenistan – Afghanistan – Pakistan – India Pipeline – Трансафганский газопровод). Аналогичным образом коридор ВСИМ (Bangladesh, China, India and Myanmar Economic Corridor – Экономический коридор Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма) может быть связан с более широкой азиатской сетью торговых путей.

Развитие портов в Индийском океане в качестве региональных транспортных узлов для прибрежных государств с соединяющими их автомо-

⁴ Система «шах-гумасть» напоминает торговые объединения итальянских купцов, известные как «комменда». «Комменда представляла собой двусторонний торговый контракт, при заключении которого один из партнеров (коммендатор, *socius stans*) авансировал капитал либо в денежной форме, либо в форме товаров, а другой (трактатор, *socius tractans, accomendatarius*) получал эти средства и должен был вести на них торговлю в установленном месте. Собственность принадлежала коммендатору, который вместе с тем брал на себя ответственность за риск (если не нарушались условия договора)» (Карпов С.П. Контракт комменды в итальянской торговле в Южном Причерноморье XIII–XV вв. // Византийский временник. Т. 48. М.: Наука, 1987. С. 23.) – Прим. переводчика.

бильными и железнодорожными путями означало бы усиление позиций Индии на одном из наиболее важных стратегических участков территорий, прилегающих к Индийскому океану. В этом контексте важное значение приобретает запуск маршрута пряностей, хлопкового маршрута и проекта *Mausam*⁵, которые представляют собой попытки связать между собой страны этого региона. На макроуровне цель проекта *Mausam* состоит в том, чтобы восстановить коммуникацию между странами региона Индийского океана, что привело бы к более глубокому пониманию культурных ценностей и проблем, в то время как на микроуровне основное внимание уделяется пониманию национальных культур, сформировавшихся рядом с океаном. Цель состоит не только в том, чтобы изучить взаимоотношения, которые связывали отдельные части побережья Индийского океана, но и отношения этих прибрежных центров с их внутренними районами. Проект *Spice*⁶, направленный на изучение многогранного Индо-Тихоокеанского мира, объединяет археологические и исторические исследования разнообразия культурных, торговых и религиозных взаимодействий в Индийском океане, простирающемся от Восточной Африки, Аравийского полуострова, Индийского субконтинента и Шри-Ланки до архипелага Юго-Восточной Азии. Более широкая цель состоит в том, чтобы соединить их с «Информационным Шелковым путем», обеспечивающим возможность телекоммуникационной связи между странами. Эти стратегические инициативы определяются как развитием информационных технологий в Индии, так и тем фактом, что региональная связь на местах была ограничена по политическим причинам. Данные инициативы необходимо актуализировать, чтобы реализовать возможности не только внутренней, но и внешней политики (детальное обсуждение см. [21]).

Заключение

В центре внимания статьи оказывается история естественных отношений Индии с ее ближайшими соседями в Большой Южной Азии. Эти отношения были затруднены политическими решениями, а также тем, что К. Раджа Мохан называет «внутренней экономической ориентацией социалистической Индии и пренебрежением связями и приграничной и трансграничной торговлей» [19]. Тем не менее этот регион остается первым из того концентрического круга, к которому Индия должна

⁵ *Mausam* – это культурный и экономический проект Министерства культуры и археологических исследований Индии совместно с Национальным центром искусств имени Индиры Ганди, цель которого – объединить страны, расположенные вокруг Индийского океана. – Прим. переводчика.

⁶ Проект 2014 года с целью восстановить исторический индийский «путь пряностей». – Прим. переводчика.

вновь подключиться. Раджа Мохан утверждает, что инициативы нынешнего правительства Индии не соответствуют масштабу китайских усилий по изменению экономической географии континента. Включение Шри-Ланки и Непала в качестве партнеров по диалогу в ШОС является недавним политическим выражением действий Китая по включению субконтинента и Китайско-Пакистанского экономического коридора в классическую геополитическую декларацию. Изменение представления своих соседей в качестве «заднего двора» является необходимостью. Также необходимо переосмыслить свою стратегию политического участия, научиться конкурировать с другими державами, а также сотрудничать там, где это необходимо, без этого Индия не может надеяться на восстановление своих рычагов влияния.

Это приводит к вопросу о том, почему «регионализм» не развивается на соответствующих территориях, особенно если история купеческой диаспоры остается реальным фактом. Раздробленная история субконтинента является одной из причин неустойчивого характера южноазиатских связей. Парто Гхош утверждает, что четкой концепции региона никогда не было ни в индийском академическом и стратегическом мышлении, ни на Западе. Не случайно Южная Азия как регион осталась на периферии индийских интересов, и это проявляется даже в организационном устройстве Министерства внешних связей, где нет отдельного подразделения для этого региона (см. [24]). Учитывая тот факт, что диаспоры сегодня признаются в качестве образований, обладающих значительным и гибким влиянием в области внешней стратегии, это отсутствие взаимодействия требует особого внимания, особенно с учетом того, что политический дискурс изобилует ссылками на воссоединение с огромным регионом. Необходимость реконфигурации экономической географии этого региона влечет за собой необходимость возвращения в фокус внимания тех торговых диаспор, которые исторически преодолевали границы того, что сейчас осознается как Большая Южная Азия.

Литература

1. *Bagchi P.C.* India and Central Asia. – Calcutta: National Council of Education, Bengal, 1955.
2. *Banerjee S.* Introduction: Routing Diasporas // *New Routes for Diaspora Studies* / Eds.: S. Banerjee, A. McGuinness and S.C. McKay. – Bloomington: Indiana University Press, 2012.
3. *Dale S.F.* Indian Merchants and Eurasian Trade, 1600–1750. – Reprint. – New Delhi: Foundation Books, 1994.
4. *Dale S.F.* The Geography, Economy and Society of Indian Diasporas // *Regional Routes, Regional Roots? Cross Border Patterns of Human Mobility in Eurasia* / Eds.:

So Yamane and Norihiro Naganawa. – Sapporo: Slavic Research Centre, Hokkaido University, March 2014.

5. *Diener A.C.* Parsing Mobilities in Central Eurasia: Border Management and New Silk Roads // *Eurasian Geography and Economics*. – 2015. – Vol. 56, no. 4. – P. 376–404.

6. *Dimitrijev G.L.* From the history of Indian colony in Central Asia, second half of the nineteenth century beginning of twentieth century // *India and Central Asia, Cultural, Economic and Political Links* / Ed.: S. Gopal. – Delhi: Shipra Publications, 2001.

7. *The English Factories in India, 1661–1664* / Ed. by W. Foster. – Oxford: Clarendon Press, 1990.

8. *Indian traders in Uzbekistan in the eighteenth century* // *India and Central Asia, Cultural, Economic and Political Links* / Ed.: S. Gopal. – Delhi: Shipra Publications, 2001.

9. *Kaushik D.* *India and Central Asia in Modern Times: A Study in Historical-cultural Contacts from Early Nineteenth Century*. – New Delhi: Satvahan, 1985.

10. *Kaushik D.* *India and Central Asia: Renewing a Traditional Relationship* // *South Asian Survey*. – 1998. – Vol. 5, no. 2. – P. 231–244.

11. *Kirk W.* *The Inner Asian Frontier of India* // *Transactions and Papers / Institute of British Geographers*. – 1962. – N 31. – P. 131–168.

12. *Levi S.C.* *The Indian merchant diaspora in early modern Central Asia and Iran* // *Iranian Studies*. – 1999. – Vol. 32, N 4. – P. 483–512.

13. *Levi S.C.* *The Indian Diaspora in Central Asia and its Trade, 1550–1900*. – Leiden; Boston: Brill, 2002.

14. *Levi S.C.* *Multanis and Shikarpuris: Indian Diaspora in Historical Perspective* // *Exploring Trajectories of Migration and Theory* / Ed.: G. Oonk. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2007. – P. 34–46.

15. *India and Central Asia Commerce and Culture, 1500–1800* / Ed. by S.C. Levi. – New Delhi: Oxford University Press, 2007.

16. *Markovits C.* *The Global World of Indian Merchants, 1750–1947. Traders of Sind from Bukhara to Panama*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

17. *Markovits C.* *Indian Merchants in Central Asia: the Debate* // *India and Central Asia: Commerce and Culture, 1500–1800*. 1800 / Ed. by S.C. Levi. – New Delhi: Oxford University Press, 2007. – P. 123–151.

18. *Mohan Lal M.* *Travels in the Punjab, Afghanistan and Turkistan, to Balkh, Bokhara and Herat, and a Visit to Great Britain and Germany*. – 2nd rev. ed. – Calcutta, K.P.: Bagchi, 1977.

19. *Raja Mohan C.* *Raja Mandala: Regional India, Global South Asia* // *The Indian Express*. – 2016. – 31 May.

20. *India and Central Asia, Classical to Contemporary Periods* / Ed. by J.N. Roy, B.B. Kumar. – New Delhi: Concept Publishing Company, 2004.

21. *Samaddar R., Sengupta A.* *Introduction* // *Global Governance and India's North-East; Logistics, Infrastructure and Society* / Eds.: R. Samaddar and A. Sengupta. – London; New York: Routledge, 2019. – P. 16–17.

22. *Sengupta A.* Diasporas Along the Silk Road: The Indian Trader Communities in Central Asia // *Indian Diaspora in Asian and Pacific Regions: Culture, People, Interactions* / Ed. by L. Ghosh and R. Chatterjee. – Jaipur: Rawat Publications, 2004.

23. *Sengupta A.* Situating Indian Studies on Central Asia: Narratives, Discourses and Perceptions // *Insights and Commentaries, South and Central Asia* / Ed. by A. Sengupta and M. Rakhimov. – New Delhi: Knowledge World, 2015. – P. 3–42.

24. *Sengupta A.* Logistical Spaces IV: The Asian Paradigm // *Policies and Practices*. – 2016. – N 79. – URL: <http://www.mcrq.ac.in/PP79.pdf> (accessed: 28.08.2020).

Статья поступила в редакцию 27.04.2020.

Статья прошла рецензирование 19.05.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-188-206

RE-IMAGINING LOCATIONS BY WAY OF THE “INDIAN DIASPORA”⁷

Sengupta Anita,

Senior Fellow

Indian Council of Social Science Research,

Aruna Asaf Ali Marg, New Delhi, 110067, India

ORCID: 0000-0002-1996-0453

anitasengupta@hotmail.com

Abstract

Diasporas have gained currency as a productive frame for re-imagining locations, movements identities and linkages that have been flattened by the effect of globalization on world politics. This article examines how diasporas re-orient conventional cartographies and spatial configurations by identifying historically located networks that often escape the attention of scholars and policy makers working within the framework of individual nations. The foregrounding of such networks brings into focus global flows that predates the age of globalization and creates the possibilities of exploring and strengthening collaborations across regions. All of these issues come into play when one examines what is identified as the “Indian” diasporic community in Central Asia and the temptation to think of them as stable bounded communities or transcendent homogeneous groups. This creates the possibilities of rethinking spatial and temporal categories, where not only the nation and its borders are subject to scrutiny but also categories like regions and areas come under interrogation.

Keywords: Spatial configuration, Diaspora, Global Flows, Central Asia, “Indian Diaspora”.

Bibliographic description for citation:

Sengupta A. Re-imagining Locations by way of the “Indian Diaspora”. *Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 3, pt. 1, pp. 188–206. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-188-206.

References

1. Bagchi P.C. *India and Central Asia*. Calcutta, National Council of Education, Bengal, 1955.
2. Banerjee S. Introduction: Routing Diasporas. *New Routes for Diaspora Studies*. Eds.: S. Banerjee, A. McGuinness and S.C. McKay. Bloomington, Indiana University Press, 2012.
3. Dale S.F. *Indian Merchants and Eurasian Trade 1600–1750*. Reprint. New Delhi, Foundation Books, 1994.

⁷ This article is part of an ongoing research project on Historic Connects and New Corridors: India’s Asian alternatives in an era of connectivity, sponsored by the Indian Council of Social Science Research, New Delhi. The author is grateful to ICSSR for the support extended for the study.

4. Dale S.F. The Geography, Economy and Society of Indian Diasporas. *Regional Routes, Regional Roots? Cross Border Patterns of Human Mobility in Eurasia*. Eds.: So Yamane and Norihiro Naganawa. Sapporo, Slavic Research Centre Hokkaido University, March 2014.
5. Diener A.C. Parsing Mobilities in Central Eurasia: Border Management and New Silk Roads. *Eurasian Geography and Economics*, 2015, vol. 56, no. 4, pp. 376–404.
6. Dimitriyev G.L. From the history of Indian colony in Central Asia, second half of the nineteenth century beginning of twentieth century. *India and Central Asia, Cultural, Economic and Political Links*. Ed.: S. Gopal. Delhi, Shipra Publications, 2001.
7. Foster W., ed. *The English Factories in India, 1661–1664*. Oxford, Clarendon Press, 1990.
8. Gopal S., ed. Indian traders in Uzbekistan in the eighteenth century. *India and Central Asia, Cultural, Economic and Political Links*. Delhi, Shipra Publications, 2001.
9. Kaushik D. *India and Central Asia in Modern Times: A Study in Historical-cultural Contacts from Early Nineteenth Century*. New Delhi, Satvahan, 1985.
10. Kaushik D. India and Central Asia: renewing a traditional relationship. *South Asian Survey*, 1998, vol. 5, no. 2, pp. 231–244.
11. Kirk W. The inner Asian frontier of India. *Transactions and Papers*. Institute of British Geographers, 1962, no. 31, pp. 131–168.
12. Levi S.C. The Indian merchant diaspora in early modern Central Asia and Iran. *Iranian Studies*, 1999, vol. 32, no. 4, pp. 483–512.
13. Levi S.C. *The Indian Diaspora in Central Asia and its Trade, 1550–1900*. Leiden, Boston, Brill, 2002.
14. Levi S.C. Multanis and Shikarpuris: Indian Diaspora in Historical Perspective. *Exploring Trajectories of Migration and Theory*. Ed. by G. Oonk. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2007, pp. 34–46.
15. Levi S.C., ed. *India and Central Asia Commerce and Culture, 1500–1800*. New Delhi, Oxford University Press, 2007.
16. Markovits C. *The Global World of Indian Merchants, 1750–1947. Traders of Sind from Bukhara to Panama*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000.
17. Markovits C. Indian Merchants in Central Asia: the Debate. *India and Central Asia: Commerce and Culture, 1500–1800*. Ed. by S.C. Levi. New Delhi, Oxford University Press, 2007, pp. 123–151.
18. Mohan Lal M. *Travels in the Punjab, Afghanistan and Turkistan, to Balch, Bokhara and Herat, and a Visit to Great Britain and Germany*. 2nd rev. ed. Calcutta, K.P., Bagchi, 1977.
19. Raja Mohan C. Raja Mandala: Regional India, Global South Asia. *The Indian Express*, 2016, 31 May.
20. Roy J.N., Kumar B.B., eds. *India and Central Asia, Classical to Contemporary Periods*. New Delhi, Concept Publishing Company, 2004.
21. Samaddar R., Sengupta A. Introduction. *Global Governance and India's North-East; Logistics, Infrastructure and Society*. Ed. by R. Samaddar and A. Sengupta. London, New York, Routledge, 2019, pp. 16–17.

22. Sengupta A. Diasporas Along the Silk Road: The Indian Trader Communities in Central Asia. *Indian Diaspora in Asian and Pacific Regions: Culture, People, Interactions*. Ed. by L. Ghosh and R. Chatterjee. Jaipur. Rawat Publications, 2004.

23. Sengupta A. Situating Indian Studies on Central Asia: Narratives, Discourses and Perceptions. *Insights and Commentaries, South and Central Asia*. Ed. by A. Sengupta and M. Rakhimov. New Delhi, Knowledge World, 2015, pp. 3–42.

24. Sengupta A. Logistical Spaces IV: The Asian Paradigm. *Policies and Practices*, 2016, no. 79. Available at: <http://www.mcrgh.ac.in/PP79.pdf> (accessed 28.08.2020).

The article was received on 27.04.2020.

The article was reviewed on 19.05.2020.